

Владислава Демецкая

(Херсон, Украина)

ДИСКУРС И ТЕКСТ В ПЕРЕВОДЕ

Появление в конце 20-го века проблемы «лингвистической интерпретации человека» [14] привело к более тесному взаимодействию лингвистики с другими антропоориентированными дисциплинами и последующему проникновению лингвистической информации в другие сферы знаний. Этот процесс способствовал актуализации в научном пространстве лингвистики текста, семиотики, лингвопрагматики, теории коммуникации и межкультурной в частности, теории перевода, теории дискурса, методологическая база которых строится с учетом таких экстралингвистических факторов, как развитие средств коммуникации, связи, информационных технологий, глобализации, универсализации и т.д. [3].

Очевидно, что такая парадигма подходов потребовала решения целого ряда теоретических и практических вопросов, связанных с разграничением понятийного аппарата, описанием методологических и лингвистических основ, разработки концептуального и терминологического метаязыка. Интегративная сущность лингвистической теории текста, коммуникации, лингвистики дискурса [25], а в нашем случае – и теории перевода, требует установления дифференциального объекта их исследования, а именно уточнения самого термина «дискурс».

Впервые появившись в контексте прагматического описания функционирования языка во второй половине 20-го столетия, термин «дискурс» трактовался с учетом различных теоретических подходов, получая свое дальнейшее распространение, однако, и сейчас не существует общепризнанных дефинитивных параметров дискурса, которые полностью раскрывали бы его сложную когнитивную иерархию и коммуникативную специфику.

Регистр значений термина «дискурс» изменялся в соответствии с развитием лингвистической семантики текста. С точки зрения семиологического подхода к изучению языка понятие «дискурс» осознавалось вторым маркированным членом соссюровской оппозиции «язык – речь» [34] с акцентом на получателя сообщения [4; 9; 28].

Родоначальником современной теории дискурса по праву считается голландский ученый Т. ван Дейк, который на основе работ Лакоффа, Филмора, Серля [38; 41] в области лингвистической прагматики установил существование не только связанной последовательности предложений как семантической макроструктуры текста, но и связанной последовательности речевых актов – как прагматической макроструктуры текста [11]. По сути Т.ван Дейк наметил интегральную связь языка – речи (текста как ее материального проявления) – коммуникативной ситуации и получателя, адресата.

В то время трактовка термина «дискурс» сводилась к понятию сети эквивалентности между фразами или «цепочками фраз как высказываний, сверхфразовых единиц...и связанной с ними ситуации» [26; 37], «связной последовательности предложений или речевых актов» [11, с.8]. Таким образом, термин «дискурс» впервые был вписан в социальный контекст функционирования языка.

Пожалуй, наличие именно социального контекста или коммуникативной ситуации как основополагающего критерия идентификации дискурса не вызывает сомнений в рамках современного подхода к изучению этого явления. Действительно, большинство отечественных и зарубежных ученых согласны с тем, что «дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [2, с.136-137; 15, с.8; 26, с.3]. В широком понимании термин «дискурс» используется при обозначении различных видов речевой

деятельности, связность и осмысление которых происходит с учетом всей совокупности не только языковых факторов [2, с.414].

В основу современных описаний дискурса положено разнообразие теоретических и методологических подходов, отражающих концептуальность этого термина для исследований в области лингвопсихоментальной деятельности человека. Так, дискурс как следствие открытости языковой системы, проявляющейся во взаимодействии знакового и реального миров, представляется Т. ван Дейку «коммуникативным событием» [11, с.121], американской исследовательнице Д.Шиффрин – интегративными устными и письменными высказываниями, взятыми в отдельном контексте [40].

Несомненно, в этих суждениях заложен коммуникативный аспект понимания дискурса. Это даёт основания рассматривать дискурс как коммуникативную ситуацию, интегрирующую текст с другими ее составляющими [39, с.6-7]. И, поскольку речь идет преимущественно о коммуникативной ситуации, коммуникативном «модусе дискурса» (термин В. Бурбело) [6], как его дифференциальном признаке, мы подразумеваем, наряду с текстом, и наличие субъекта высказывания, адресата, момент и определенное время ситуации [13].

Обязательное наличие в дискурсе актантов коммуникации – адресанта и адресата – актуализирует тексто-дискурсивную категорию адресованности, которая, в свою очередь, детерминирует лингвистические механизмы дискурса. Адресованность рассматривается как текстовая категория, отражающая в семантике и структуре текста его определенную направленность на адресата коммуникации, которая задает тексту определенную интерпретационную модель как семантическая база текстовой рецепции [8]. Подобная направленность на адресата характерна для дискурса в целом [20].

С точки зрения категории адресованности концептуальный лингвистический каркас дискурса формируется на основе когнитивных и

коммуникативных механизмов [15; 16, 20]. Коммуникативные механизмы выражаются в использовании тех или иных коммуникативных стратегий и тактик [16], «моделей ситуаций» [11], необходимых адресату в качестве основы интерпретации текста. Когнитивные механизмы включают в себя аспекты ментального понимания дискурса, которые служат своеобразным «триггером», запускающим и направляющим процесс когнитивной обработки текста адресатом [16]. Коммуникативная направленность дискурса, его адресованность, позволяет привлечь к его изучению множество собственно коммуникативных, социальных и других экстралингвистических факторов [8; 24; 42; 43].

Г.Г.Кук в книге «Дискурс» отмечает наличие трех контекстов дискурса: текстуального, социального, психологического [35]. Текстуальность дискурса свидетельствует о значимости текста для адресата: чем большее значение для адресата приобретает текст, тем интенсивнее он будет обрабатываться и тем лучше он сохранится в памяти адресата. Подобный когнитивный анализ единиц дискурса позволяет установить, для какой аудитории («своей» или «чужой») был написан текст, какую цель преследовал автор и, какого эффекта он достиг [19].

Один из концептуальных подходов к изучению дискурса связывают с объединением в дискурсе вербальных и невербальных компонентов, соотношение которых предопределяет разграничение в дискурсе собственно текста как языкового, вербализованного, материального компонента и невербальных единиц, связанных с интерпретационным базисом адресанта/адресата, который охватывает социокультурные, этнопсихологические, прагматические и другие составляющие [1; 2; 17; 36].

С точки зрения лингвистической прагматики вербальные и невербальные компоненты имеют разные потенциалы воздействия с прогнозируемой эксплицитной и имплицитной формами актуализации и могут быть отнесены в регистр, соответственно, коммуникативных и когнитивных лингвистических механизмов дискурса [17].

С определенной долей уверенности можно говорить о том, что вербальная форма коммуникации по своей сути явление абстрактное, идеальное. В прагматическом смысле процесс когнитивной обработки дискурса и его интерпретация адресатом предполагают известную интерференцию вербального компонента с невербальным (непрерывная работа сознания человека), побуждая его к определенному (запрограммированному, заранее смоделированному) ответному действию [10].

Рассмотрение понятия дискурса в аспекте его семантики и структуры позволяет утверждать, что в современной лингвистике и теории коммуникации под дискурсом понимаются «единицы и формы речи» [24, с.144]; «связный текст в совокупности с экстралингвистическими... факторами» [2, с.136-137]; «связный текст; устно-разговорная форма текста; диалог; группа высказываний, связанных между собой по содержанию; речевое соединение как данность – письменное или устное» [21, с.33]; «совокупность высказываний, относящихся к определенной проблематике и рассматриваемых во взаимосвязи с этой проблематикой» [18, с.201]; «связный текст в контексте многих конституирующих и фоновых факторов» [13]; «коммуникативное событие, ситуация...» [26, с.42]; «вербализованная и используемая для коммуникации (в широком смысле) совокупность соответствующих языковых знаний и стратегий» [5, с.34]; дискурс как «текст в ситуации» [27].

Приведенные фрагменты дефиниций, безусловно, не исчерпывают всего спектра существующих в отечественной и зарубежной прагмалингвистике и теории коммуникации определений дискурса, однако, с некоторой долей уверенности можно утверждать, что они в целом отражают академический взгляд ученых на это явление.

Представляется очевидным, что большинство ученых-теоретиков дискурса, выбирая основной референт данному понятию, руководствуются задачами научной дисциплины, в рамках которой они призваны решить

теоретические и практические задачи. С позиций переводоведения модель прагматической ситуации воздействия, принципы и категории ее лингвистического и экстралингвистического формирования выступают основным, если не единственным, критерием дифференциации дискурсов по степени их прагматичности. Разумеется, самой ситуацией восприятия, ее участниками программируется реализация дискурса в том или ином типе текста. Отчасти это зависит от доминанты одной из «точек зрения», латентно высказанных в дискурсе.

Дискурс как семиотический процесс представляется дихотомией «текст и экстралингвистические факторы», поскольку «источником информации о дискурсе является текст, письменный и устный» [5, с.34]. И, если предположить, что инвариантными признаками дискурса представляются текст (предлагаемые всевозможные комбинации смежных явлений нами не анализируются) и экстралингвистические факторы, определяющие статус коммуникативной ситуации, то с точки зрения теории адаптации особый интерес представляет процесс идентификации дискурсов и текстов с учетом асимметрии культур.

Итак, дискурс как коммуникативный процесс отражен формулой «текст и действие». В этом отношении примечательным в дискурсе с прагматической точки зрения будет коммуникатор или адресант и текст, смоделированный в расчете на модель мира аудитории, а не на индивидуального реципиента. Реально коммуникатор (адресант) передает не сообщение, информацию, а «ключ», приводящий в действие психологические механизмы социума, которые максимально соответствуют запрограммированной им модели поведения. Обобщая, можно сказать, что подобный подход к описанию дискурса вполне отвечает остроумной фразе М.Фуко – «...говорить можно не все, говорить можно не обо всем, говорить можно не всем и не при любых обстоятельствах» [31, с.51]. Это же утверждение вполне применимо и к работе переводчика, который особенно при трансляции прагматических текстов и дискурсов, должен сознательно

делать выбор между переводческими и адаптивными стратегиями в зависимости от типа дискурса/текста, близости/дальности языков, культур и учета возможной, прогнозируемой реакции аудитории.

Дискурс – медиатор между аудиторией и текстом [22]. К разряду наиболее культуроспецифических дискурсов можно отнести политический и религиозный дискурсы потому, что именно они реализуют в полном объеме идеологическую, историческую и национальную составляющие той или иной культуры.

Имплицативным для любой идеологии является стремление к установлению светского и религиозного лидерства. Привычные для нас определения идеологии и свойственные западному менталитету представления об ideology сходятся на том, что это некий набор (set), система идей и/или верований (beliefs) [29, с.194]. Основным для нас представляется латентное стремление идеологии устанавливать в обществе определенные светские и религиозные нормы или директивы, позволяющие осуществлять метасемиотический глобальный контроль за процессами, которые, так или иначе, протекают в различных социально активных сферах. Функциональное подразделение идеологии на светскую и религиозную сферы реализуется посредством принципа секуляризации и предполагает их диверсификацию, закрепленную в терминах культуры. Понятие светской культуры основано на рационалистических размышлениях, базой которых являются «продуктивные достижения и открытия науки при отрицании, как правило, различных религиозных культов» [32, с.431]. По мере своего исторического развития религия, не отказываясь от решения мировоззренческих задач, приобретает все более выраженные социально-регулятивные и общеидеологические функции [30, с.227-229]. Возможным поэтому становится принципиальное разграничение (светской) культуры и религии по принципу конвенции, предложенной А.Флиером: «в культуре доминирует социальная конвенция между людьми, выраженная преимущественно в форме традиции, а в религии действует сакральная

конвенция (договор) между Богом и людьми, выраженная в той или иной форме самого религиозного учения» [ibid., с.227].

Таким образом, идеология представляется системой формирования моделей политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов социума, концептуальная структура которой в большей мере определяется прагматическими, социокультурными характеристиками дискурсов.

Говоря терминами лингвистической прагматики, перед нами прагматическое по своей сути некое коммуникативное поле, которое, с одной стороны, конденсирует все возможные дискурсы/тексты, группирует их по двум направлениям функционирования – светскому и религиозному, а с другой стороны, генерирует, порождает новые прагматексты в рамках дискурсов, руководствуясь системой (внешних и внутренних) запретов и исключений.

Оппозиция «светский – религиозный» может быть уточнена с позиций анализируемых дискурсов как «социальный–религиозный», поскольку политический дискурс реализует высшую социальную власть, а религиозный – высшую сакральную власть. Разумеется, что степень реализации власти актуализируется по-разному во всех типах текстов, входящих в дискурс, однако, наиболее четко она проявляется в прагматических типах текстов. И это объясняется тем, что прагматекст – это тот тип текста, который рассчитан на изменение поведения адресата. Задача прагматекста заключается не только в том, что адресат должен понять текст и его почувствовать (информативная функция), а прежде всего в том, чтобы адресат действовал в соответствии с программой, предложенной адресантом (волеуказательная, директивная функции). Этот подход предопределяет и парадигму прагматических типов текстов в обоих дискурсах, к которым относятся: учебный тип текста (политология, гомилетика), политическая речь и проповедь, рекламный текст. Но, если набор прагматических типов текстов в обоих дискурсах совпадает, и в обоих дискурсах реализуется

концептосфера власти, возникает вопрос: есть ли какое-то существенное отличие в функционировании политического и религиозного дискурсов, и как это соотносится с проблемами выбора для переводчика между собственно переводческими и адаптивными стратегиями?

Интерпретация или идентификация политического и религиозного дискурсов как «социальный – религиозный» невозможна без учета одного из основополагающих факторов переводоведения – асимметрии культур. Другими словами, переводческая адаптация невозможна без учета аудитории – «своей» или «чужой», на которую рассчитан дискурс/текст, какую цель он преследует и, какую реакцию ожидает получить адресант.

Сопоставляя функционирование дискурсов в атлантической и восточнославянской традициях, обычно исходят из предположения, что для обеих культур политический и религиозный дискурсы интерпретируются и идентифицируются примерно одинаково и, если и существуют определенные различия, то они не носят принципиального характера и могут быть отнесены на счет разности языков и культур и, соответственно, решаются переводчиками в частном порядке без широкого привлечения переводческих адаптивных стратегий. Для того, чтобы доказать обратное, нам необходимо остановиться на тематическом контексте, единицы которого участвуют в формировании целостности дискурсивного поля [2; 3; 5; 6; 7; 12; 23; 25; 27; 33]. Иначе говоря, тематика объединяет типы текстов, входящих в тот или иной дискурс.

Действительно, если для вычленения дискурса опираться на тематический критерий, то парадигма прагматических текстов политического дискурса логично завершается рекламным типом текста, ибо и в атлантической, и в восточнославянских традициях политический рекламный тип текста занимает прочное положение как наиболее прагматический. То же можно сказать и в отношении религиозного дискурса в рамках атлантической традиции: в основе разграничения дискурсов в атлантической традиции положен принцип различия в тематике, поэтому

естественным представляется и наличие в парадигме типов текстов и рекламы религиозной тематики.

Для атлантической традиции политический и религиозный рекламные тексты – это тексты разной тематики, а в восточнославянской традиции рекламные тексты религиозной тематики маркируются как значимо отсутствующие. Принципиальная разница заключается в том, что для восточнославянской традиции (православия) религиозный дискурс воспринимается не просто как особый тематический, но и особый онтологический дискурс: различаются мирские и сакральные дискурсы, где ощутимо разделение профанного и сакрального, при котором это не просто другая тематика текстов, а другая парадигма текстов. И эта парадигма текстов не может включать рекламные тексты религиозного характера (ср., например, реклама пороков и добродетелей). В пределах восточнославянской традиции отличие религиозного от «нерелигиозного» дискурса заключается в разной степени авторитетности, в атлантической – разной тематике. Степень авторитетности формирует вертикаль дискурсов, разность тематик – горизонталь. Таким образом, можно назвать два критерия определения дискурса: если дискурс анализируется по горизонтали, основным критерием выступает тематический, а если по вертикали – критерий авторитетности определяет место того или иного дискурса в пределах всего дискурсивного поля в рамках одной культуры.

Если при переводческой работе с дискурсами за отправную точку принимать положение о «вертикальном» расположении дискурсов в пределах восточнославянской традиции, приходится констатировать, что и переводческая адаптация имеет свои границы. Это особенно очевидно для типов текстов религиозного дискурса.

Степень прагматического потенциала резко возрастает в тех типах текстов, в которых максимально полно реализуются культурно обусловленные приоритеты и суперценности (в восточнославянской культуре – это проповедь). Именно поэтому при трансляции данного типа

текста переводчику недостаточно собственно переводческих, репродуктивных стратегий: он работает с достаточно высоким уровнем ценностной шкалы православия. Для достижения адекватной реакции реципиентов переводчику необходимо прибегнуть к переводческим адаптивным стратегиям. Сознательные или неосознанные изменения ценностной шкалы могут привести к тому, что реципиент воспримет целевой текст не как адаптацию, а как «переворачивание» ценностной оси в том случае, если запретное, табуированное или кощунственное значение выдается за норматив. И тогда, к примеру, проповедь может восприниматься не как не-проповедь, а как антипроповедь. В этом смысле принципиально невозможна переводческая адаптация рекламного текста религиозного характера атлантической традиции, поскольку в нормативном сознании носителя восточнославянской культуры рекламный текст воспринимается не как текст, а как антитекст.

Для атлантической традиции существование рекламного текста в религиозном дискурсе свидетельствует о том, что в этой культурной традиции, по-видимому, не существует разграничения по принципу мирской – сакральный дискурс. Для них актуально разграничение по тематическому критерию, поэтому религиозные и торговые рекламные тексты – это тексты разной тематики, но не разной структурно-композиционной и лексико-семантической организации.

Культурная асимметрия, таким образом, обуславливает не только принципиальное расхождение в парадигме текстов, но также и определяет систему доминирующих функций дискурсов, сохранение которых при переводческой трансляции способствует адекватному восприятию того или иного типа дискурса, т.е. адекватную его идентификацию и интерпретацию.

Библиографические ссылки

1. Александрова О.В. Проблема дискурса в современной лингвистике // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований: Сб.науч.тр. - Калининград: Калинингр. ун-т, 1999. - С. 9-13.

2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - С. 136-137.
3. Белова А.Д. Поняття “стиль”, “жанр”, “дискурс”, “текст” у сучасній лінгвістиці // Вісник “Іноземна філологія”. - К.: КНУ, 2002. - Вип.32-33. - С. 11-14.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М., 1974. - 446 с.
5. Булатова А.П. Концептуализация знания в искусствоведческом дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Сер.9: Филология. - 1999. - №4. - С. 34-49.
6. Бурбело В.Б. Художній дискурс в історії французької мови та культури 9-18 ст.: Автореф. дис....доктора філол.наук, К., 1999. – 36с.
7. Весна Т.В. Ідеологічний та національно-культурний компонент в семантичній структурі лексики політдискурсу (На матеріалі франко-російськомовної преси 90-х років): Автореф. дис. ... канд. філол. наук. - Одеса, 2002. - 18 с.
8. Воробьева О.П. Текстовые категории и фактор адресата. - К.: Вища школа, 1993. - 199 с.
9. Гаспаров Б. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. - М.: Новое литературное обозрение, 1996. - 352 с.
10. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985.- С.217-237.
11. Дейк Т.А. ван. Язык. Понимание. Коммуникация: Пер. с англ. / Сост. В.В.Петрова / Под ред. В.И.Герасимова / Вступ. ст. Ю.Н.Караулова и В.В.Петрова. - М.: Прогресс, 1989. - 312 с
12. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. - №3. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – С.32-43.
13. Дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен / Под общ. ред. Шевченко И.С.: Монография / Перевод с укр. – Харьков: Константа, 2005. – 356с.
14. Дуличенко А.Д. О перспективе лингвистики XXI // Вестник МГУ. Сер. философия. - 1996. - №5. - С.124-131.
15. Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Т.А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ.: Сб. работ / Сост. В.В. Петров / Под ред. В.И. Герасимовича /Вступ. статья Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. - М.: Прогресс, 1989. - С. 5-11.
16. Колегаева И.М. Текст как единица научной и художественной коммуникации. - Одесса: Изд-во ОГУ, 1991. - 120 с.
17. Кравченко А.В. Естественнонаучные аспекты семиозиса // Вопросы языкознания. - 2000. - №1. - С. 3-9.
18. Літературозначий словник-довідник / Сост. Р.Т. Гром'як, Ю.І. Ковалів та інш. - К.: ВЦ “Академія”, 1997. - 752 с.
19. Макеева М.Н. Теоретическое обоснование общих проблем герменевтики // Антропоцентрический подход к языку: Межвуз. сб. науч. тр. : В 2 ч.- Пермь:Пермский ун-т, 1998. - Ч.1. - С.37-53.
20. Мышкина Н.Д. Динамико-системное исследование смысла текста. - Красноярск: Изд-во Красноярского гос.ун-та, 1991. - 213 с.
21. Николаева Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1978. - Вып.№8. –С. 29-47.
22. Новикова М.А Міфи та місія. – К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2005. – 432с.
23. Проскуряков М.Р. Дискурс борьбы (очерк языка выборов) // Вестн. Моск.ун-та. Сер.9:Филология. - 1999. - №1. - С. 34-49.
24. Протасова Е.Ю. Функциональная прагматика: вариант психолингвистики или общая теория языкознания? // Вопросы языкознания. - 1999. - №1. - С. 142-155.
25. Ревзина О.Г. Язык и дискурс // Вестн. Моск. ун-та. Сер.9.Филология. – 1999. - №1. - С. 25-33.

26. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монографическое учебное пособие. - К.: Изд-во укр. философ. центра, 2002. - 336 с.
27. Серажим К. Дискурс як соціолінгвальне явище: методологія, архітектоніка, варіативність. (На матеріалі сучасної газетної публіцистики): Монографія / За ред. В. Різуна. - К.: Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка, 2002. - 392 с.
28. Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с франц. и порт. - М.: ОАО ИГ „Прогресс”, 1999. - С. 337-383.
29. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб.пособие. – М.: Слово / Slovo, 2000. – 624с.
30. Флиер А.Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. – М.: Академический Проект, 2000. – 496с.
31. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет: Пер. с англ. - М.: Аспект пресс, 1996. – 581с.
32. Хоруженко К.М. Культурология. Энциклопедический словарь. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1997. – 640с.
33. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326с.
34. Якобсон Р. Лінгвістика і поетика // Слово. Знак. Дискурс: Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст. - Львів: Літопис, 1996. - С. 357-377.
35. Cook G. Discourse and Literature. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1994. – 324 p.
36. Dirven R., Verspoor V. Cognitive Exploration of Language and Linguistics. - Amsterdam (Philadelphia): John Benjamins Publishing Company, 1998. - 301p.
37. Harris Z. Discourse Analysis // Languages. – 1969. – №13. – P. 43 – 59.
38. Lakoff G., Hedges A. A Study of Meaning, Criteria, and the Logic of Fuzzy Concepts // Journal of Philosophical Logic, 1973, No. 2. – P.458-508.
39. Nunan D. Introducing Discourse Analysis. - London: Penguin, 1993. -175 p.
40. Schiffrin D. Approaches to Discourse. - Oxford; Cambridge, MA, 1994. – 470 p.
41. Searle J.R. Speech Acts. – London: Cambridge Univ.Press, 1970. – 204p.
42. Taylor J.R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory. - L., N.Y.: Routledge, 1995. - 304 p.
43. Taylor, Telbot J. Theorizing Language. - Pergamon, 1997. - 239 p.